

В прекрасном и яростном мире —

эпизод 5 из 6

Вы подвели своего друга, сказал затем следователь.

А что? Приговор остается прежний?

Нет. Мы освободим Мальцева. Приказ уже дан, может быть, Мальцев уже дома.

Благодарю вас. Я встал на ноги перед следователем.

А мы вас благодарить не будем. Вы дали плохой совет: Мальцев опять слепой...

Я сел на стул в усталости, во мне мгновенно сгорела душа, и я захотел пить.

Эксперты без предупреждения, в темноте, провели Мальцева под установкой Тесла, говорил мне следователь. Включен был ток, произошла молния, и раздался резкий удар. Мальцев прошел спокойно, но теперь он снова не видит света это установлено объективным путем, судебно-медицинской экспертизой.

Следователь попил воды и добавил:

Сейчас он опять видит мир только в одном своем воображении... Вы его товарищ, помогите ему.

Может быть, к нему опять вернется зрение, высказал я надежду, как было тогда, после паровоза...

Следователь подумал.

Едва ли... Тогда была первая травма, теперь вторая. Рана нанесена по раненому месту.

И, не сдерживаясь более, следователь встал и в волнении начал ходить по комнате.

Это я виноват... Зачем я послушался вас и, как глупарь, настоял на экспертизе! Я рисковал человеком, а он не вынес риска.

Вы не виноваты, вы ничем не рисковали, утешил я следователя. Что лучше свободный слепой человек или зрячий, но невинно заключенный?

Я не знал, что мне придется доказать невиновность человека посредством его несчастья, сказал следователь. Это слишком дорогая цена.

Вы следователь, объяснил я ему. Вы должны знать про человека все, и даже то, чего он сам про себя не знает...

Я вас понимаю, вы правы, тихо произнес следователь.

Вы не волнуйтесь, товарищ следователь... Тут действовали факты внутри человека, а вы искали их только снаружи. Но вы сумели понять свой недостаток и поступили с Мальцевым как человек благородный. Я вас уважаю.

Я вас тоже, сознался следователь. Знаете, из вас мог бы выйти помощник

следователя...

Спасибо, но я занят: я помощник машиниста на курьерском паровозе. Я ушел. Я не был другом Мальцева, и он ко мне всегда относился без внимания и заботы. Но я хотел защитить его от горя судьбы, я был ожесточен против роковых сил, случайно и равнодушно уничтожающих человека; я почувствовал тайный, неуловимый расчет этих сил в том, что они губили именно Мальцева, а, скажем, не меня. Я понимал, что в природе не существует такого расчета в нашем человеческом, математическом смысле, но я видел, что происходят факты, доказывающие существование враждебных, для человеческой жизни губительных обстоятельств, и эти губительные силы сокрушают избранных, возвышенных людей. Я решил не сдаваться, потому что чувствовал в себе нечто такое, чего не могло быть во внешних силах природы и в нашей судьбе, я чувствовал свою особенность человека. И я пришел в ожесточение и решил воспротивиться, сам еще не зная, как это нужно сделать.

На следующее лето я сдал экзамен на звание машиниста и стал ездить самостоятельно на паровозе серии СУ, работая на пассажирском местном сообщении. И почти всегда, когда я подавал паровоз под состав, стоявший у станционной платформы, я видел Мальцева, сидевшего на крашеной скамейке. Облокотившись рукою на трость, поставленную между ног, он обращал в сторону паровоза свое страстное, чуткое лицо с опустевшими слепыми глазами, и жадно дышал запахом гари и смазочного масла и внимательно слушал ритмичную работу паровоздушного насоса. Утешить его мне было нечем, и я уезжал, а он оставался.

Шло лето; я работал на паровозе и часто видел Александра Васильевича не только на вокзальной платформе, но встречал его и на улице, когда он медленно шел, ощупывая дорогу тростью. Он осунулся и постарел за последнее время; жил он в достатке ему определили пенсию, жена его работала, детей у них не было, но тоска, безжизненная участь снедали Александра Васильевича, и тело его худело от постоянного горя. Я с ним иногда разговаривал, но видел, что ему скучно было беседовать о пустяках и довольствоваться моим любезным утешением, что и слепой это тоже вполне полноправный, полноценный человек.

Прочь! говорил он, выслушав мои доброжелательные слова.

Но я тоже был сердитый человек, и, когда, по обычаю, он однажды велел уходить мне прочь, я сказал ему:

Завтра в десять тридцать я поведу состав. Если будешь сидеть тихо, я возьму тебя в машину.

Мальцев согласился.
Ладно. Я буду смирным.